

УДК: 94(47)

DOI: 10.25629/НС.2022.07.02

У САМОГО СИНЕГО МОРЯ: ТРАНСФЕР КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ ДАЧИ С ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА ВО ФРАНЦУЗСКИЙ ЛА-ФАВЬЕР В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Карагодин А.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье рассматриваются источниковедческие аспекты реконструкции истории дачного поселка Батилиман на Южном берегу Крыма, основанного в 1910-х гг. деятелями русской культуры (К.С. Станиславский, И.Я. Билибин, В.Г. Короленко и др.). После эмиграции из России, в конце 1920-х группа бывших крымских дачников устроила новый курортный поселок в местечке Ла-Фавьер на средиземноморском берегу Франции, осуществив таким образом трансфер культуры русской дачи.

Ключевые слова: Батилиман, Симеиз, Ла-Фавьер, места памяти, источники личного происхождения, эмиграция первой волны, русская революция, Южный берег Крыма, дача, русская культура.

Введение в проблему

Рубеж и начало XX в. на Южном берегу Крыма стали временем «курортного бума». Наступил, по словам Л.С. Врангель, «новый этап возрождающейся Ялты... как всероссийской санатории... Огромная Россия начинала сознавать значение для нее маленького Крыма... Весь южный берег застраивался дворцами, курортами, дачами; на местах древних пепелищ человеческого жилья разбивались великолепные парки и вырубались древние оливковые рощи, живые свидетели античного Крыма» [5, с. 151]. Одной из отличительных черт этого «курортного бума» стало образование на землях бывших крупных приморских имений знати курортных дачных поселков, где проводили каникулы у моря инженеры, предприниматели, деятели науки и искусства.

Особенность феномена русской дачи заключалась в том, что в России местом рождения и оформления городской культуры нарождавшегося среднего класса, парадоксальным образом, становились вынесенные за пределы города сообщества. Однако если складывавшаяся в начале XX в. дачная культура окрестностей Москвы и Санкт-Петербурга уже привлекла внимание исследователей [10, 18, 24], то документальной реконструкцией истории дачных поселков начала XX в. на Южном берегу Крыма, установлением имен владельцев дач, истории их повседневности в историографии до недавнего времени практически не занимались. С целью исправления этого недостатка в 2019-2021 гг. автором были опубликованы исследования, реконструирующие историю самого первого дачного курорта ЮБК Новый Мисхор и самого крупного и благоустроенного – Нового Симеиза [12, 13]. В настоящей статье речь пойдет о еще одном дачном поселке на западе Южного берега Крыма, основанном в 1910-х гг. деятелями русской науки, культуры и искусства – Батилимане, чья летопись получила развитие во Франции в конце 1920-1930-х гг., и вновь выявленных источниках по его истории.

Краткий обзор исследований

Несмотря на то, что с дачным поселком Батилиман связаны важные для отечественной культуры имена, сведения о нем, содержащиеся в литературе, весьма лапидарны. Истории Батилимана посвящены несколько кратких публикаций краеведов - пара страниц в вышедшей в 1969 г. в Симферополе в серии «Экскурсии одного дня» брошюре М. Лезинского («здесь что ни дом, то история. Жили в этих домах в большинстве случаев не изнывающие от безделья

аристократы, а представители передовой русской интеллигенции» [15, с. 28-29]), глава в публикации севастопольского краеведа А.В. Иванова «Ласпи: от Айя до Сарыча» и статья Г.Я. Бедаревой, ведущего научного сотрудника Музея героической обороны и освобождения Севастополя, опубликованная в малотиражном сборнике «III Дмитриевские чтения» Ялтинского историко-литературного музея в 1999 г., а также один абзац в обзорной монографии Е.В. Венникеева «Архитектура Севастополя» (по административно-территориальному делению, установленному в советское время, Батилиман относится к Севастополю) [2, 4, 11].

Из них следует, что курортный поселок деятелей науки и искусства Батилиман у подножия мыса Айя появился в 1910-х гг., когда участок земли у моря под скалой Куш-Кая, на котором стояла пара рыбацких хижин, купили у татар близлежащей деревни Хайто инженер Кравцов и адвокат Плансон. Они пригласили в Батилиман группу представителей столичной интеллигенции, предложив им выкупить участки по символической цене. В числе пайщиков были писатель Владимир Короленко, режиссер Константин Станиславский, ученый Владимир Вернадский, художник Иван Билибин, врач Сергей Елпатьевский, лидер партии кадетов Павел Милоков, ученый Владимир Вернадский и многие другие известные в России люди. Нанятая артель турецких строителей пробила в урочище Батилиман дорогу из Хайто, за четыре предвоенных года пайщики успели построить 14 домов. Во время гражданской войны Батилиман опустел, а после революции большинство его обитателей оказались в эмиграции.

Подобная историографическая ситуация едва ли может быть названа удовлетворительной, особенно имея в виду то обстоятельство, что в конце 1920-х гг. бывшие дачники Батилимана, русские эмигранты во Франции устроили русскую колонию по образу и подобию южнобережных дач в местечке Ла-Фавьер в районе Борм-ле-Мимоза на Средиземном море между Тулоном и Каннами. Здесь в крошечных белоснежных домиках на мысе Гурон проводили кто летние месяцы, а кто и круглый год Иван Билибин с женой, художницей Александрой Щекатихиной, Александр Куприн, Саша Черный (который скончался в Ла-Фавьере), Марина Цветаева, Наталья Гончарова, Михаил Ларионов и многие другие выдающиеся представители российской культуры в изгнании. «Русская колония» строилась благодаря знакомствам и дружбе, сложившимся в Батилимане и, шире, на Южном берегу Крыма; ностальгия по Крыму, олицетворявшему Россию, была идеей, лежащей в основании нового дачного поселка. «Русская колония» в Ла-Фавьере просуществовала до Второй мировой войны, когда немецкие войска разрушили большинство дач ради устройства береговой линии укреплений.

Лишь в последнее время интереснейший сюжет трансфера русской дачной культуры с Южного берега Крыма на юг Франции начал привлекать внимание исследователей. Так, в 2021 г. вышла статья польского литературоведа И.Бжикцы, посвященная колонии русской интеллигенции в Ла-Фавьере. По мнению автора, «в системе локальных текстов русского зарубежья, объединенных мотивом чужбины как «ужасного места», Фавьер занимает исключительное место, так как предстает художественным воплощением Аркадии, обретенной в изгнании» [3].

Число выдающихся представителей русской культуры, чьи имена были связаны с дачными поселками Батилиман и Ла-Фавьер, наталкивало нас на мысль, что отнюдь не все документы, содержащие как явно выраженную, так и скрытую информацию об этом сюжете, пока введены в оборот, и стимулировало процесс их поиска и интерпретации.

Результаты и их обсуждение

Долгое время основным источником информации о Батилимане и Ла-Фавьере были опубликованные в СССР в 1978 г. мемуары дочери А.И. Куприна Ксении (модель, актриса, переводчица, она в 1958 г. вернулась из Франции в Советский Союз), несколько страниц в которых были посвящены этим дачным поселкам и их обитателям. В них, в частности, сказано: «...на западном побережье Черного моря кто-то открыл райский уголок Баты-Лиман, совсем дикий, огороженный скалами и громадными соснами. Баты-Лиман — по-татарски значит Западный залив. Землю продавали за бесценок, и вскоре там образовалась своего рода колония. Пайщики принадлежали к артистической, литературной и художественной среде: Елпатьевский, художник Билибин, Короленко, Титов, Милоков, Чириков, Сулержицкий, Швецовы. Многие из этих

людей впоследствии оказались в эмиграции. В начале 20-х годов семья Швецовых открыла на французской Ривьере первобытный уголок — долину Ла-Фавьер, напоминающую Баты-Лиман... Фавьерская долина принадлежала пяти-шести провансальским фермерам, имеющим виноградные и главным образом оливковые плантации. Разбогатев, они стали продавать лишнюю землю по баснословно низкой цене, так как туда не вела ни одна дорога, не было ни канализации, ни электричества, ни лавок, ни вообще какого бы то ни было признака цивилизации. Людмила Елпатьевская вышла замуж за Н.А. Врангеля... Врангели эмигрировали сначала в Болгарию,.. затем приехали к Швецовым на юг Франции, туда же приехал писатель Г.Д. Гребенщиков. Все были очарованы окружающей природой и решили устроить второй Баты-Лиман. Знакомая фермерша продавала целый холм вместе с заливом и пляжем, цена была что-то по пять франков квадратный метр. Решили купить землю, разделить ее на участки и тянуть жребий среди желающих. Таковых оказалось много, прежде всего «баты-лиманцы» Елпатьевские, художник Билибин с женой, художницей Щекатихиной, Титовы, профессор Метальников, Белокопытов, Гребенщиков, А.Л. Рубинштейн, Милуков, Саша и Маша Черные, Мечников, жена которого была художницей и скульптором, и многие другие» [14, с. 222-223].

Мы обнаружили еще несколько малоизвестных источников, содержащих небезынттересную информацию как о дачном поселке Батилиман, так и о дачном поселке русских эмигрантов Ла-Фавьер, а также связях их обитателей с другими дачными поселками Южного берега Крыма, основанными в начале XX в. Так, в фондах музея Московского Художественного академического театра нашлись документы Комитета владельцев имения Батилиман: уведомление К.С. Станиславскому о сборах по имени Батылиман на 1 января 1917 г., отчет Комитета по управлению имением Батилиман за 1916 г. из личного архива Станиславского и другие [20].

Больше всего информации содержится, разумеется, в мемуарах представителей творческой, научной интеллигенции, в том числе неопубликованных, а, следовательно, незнакомых исследователям. Назовем, в первую очередь, 847-страничный сборник мемуаров и архивных документов «Русский холм». La Faviege (1920-1960). История русской колонии на юге Франции в воспоминаниях, дневниках и письмах», подготовленный к печати в 2017 М. Макаровым (опубликован лишь фрагментарно, полностью доступен в виде PDF-файла) [16, 22]. В книге собраны не публиковавшиеся ранее либо опубликованные в эмигрантских издательствах малоизвестные воспоминания, письма, хранящиеся в архиве университета Миннесоты, а также уникальные фотографии, произведения изобразительного искусства, почтовые открытки из частных архивов и коллекций, в том числе Г.Д. Гребенщикова, Л.С. Врангель, А.А. Швецовоой и других дачников Ла-Фавьера. Также использованы фотоматериалы из частных архивов А.Л. Оболенского (Ницца), Франка Пезинаса (Тулон), Николь Леонардо (Ницца), Н.Д. Стояновоой (Москва), И.О. Собенниковоой (Москва), фотографии Марины Цветаевоой из фондов РГАЛИ, открытки и фотографии Л.С. Врангель, оцифрованные архивом университета Миннесоты (США), а также материалы Военного архива Франции. По этим материалам можно восстановить состав дачников Ла-Фавьера, проследить их связи с дачными курортами Южного берега Крыма, восстановить топографию дачного поселка (ныне местность застроена, дачные домики русских эмигрантов утрачены).

Наше внимание привлек и изданный на французском языке каталог художественной выставки «Русские в Ла-Фавьере», состоявшейся во Франции в 2004 г. [25]. Он содержит множество изобразительных источников – фотографии, художественные произведения, отражающие быт и творческие настроения дачников Ла-Фавьера.

Интересный рукописный материал о дачах Батилимана авторства предоставил в наше распоряжение заместитель главного редактора журнала «Историк» А. Замостьянов. Это небольшие неопубликованные мемуары правоведа, профессора А.Л. Маковского (1930–2020) «На крымском берегу» [17]. В них, в частности, сказано:

«О Батилимане я то и дело слышал с детства... из рассказов взрослых знал, что в Батилимане находилась дача, на которой кто-то из моих предков успел немного пожить... Было это незадолго до революции и продолжалось недолгое время. Сейчас, на старости лет, когда я все-

таки с большим интересом отношусь к тому, что происходило в семье происходило, мне удалось разыскать разные довольно любопытные сведения».

Далее А.Л. Маковский, как мы удостоверились при сравнении источников, пересказывает посвященные Батилиману строчки из мемуаров Л.С. Врангель, опубликованных в до и послевоенные годы в Париже и Нью-Йорке [5, 6]: «Эта дама в первом браке носила фамилию Кулакова, была замужем за петербургским книгоиздателем Кулаковым. У них была дача в Крыму, не в Батилимане, а у Байдарских ворот. Там она и познакомилась с Врангелем, вышла за него замуж. Ее супруг был инженером, который помогал другому инженеру, не менее известному... Николай Георгиевич Гарин-Михайловский занимался даже не строительством, а собственно разведкой, предшествовавшей самому строительству железной дороги в Крыму. А инженер Врангель был его помощником. В итоге, когда был исход белых из Крыма, она эмигрировала, и опубликовала воспоминания, в которых уделила внимания истории батилиманских дач. Сама идея строить там дачи возникла так. Она, живя на даче в Байдарах, как-то обедала в ресторане, который держала грек кулинару, повар, и от него услышала, что татары продают часть земли, расположенной внизу, у моря. Она им не нужна, потому что она неплодородная, пресной воды там нет, это просто пустой кусок земли. И тогда она собрала небольшую группу людей, которые купили эту землю. Купили они ее за 33.000 рублей. Место называлось Баты Лиман. Кажется, по-татарски это означает «глубокий залив». Сложилась занятная первичная компания, которая образовалась для покупки этой земли. Например, туда входил воронежский землевладелец помещик Кравцов, на сестре которого был женат будущий академик Абрам Федорович Иоффе, в то время – молодой физик. Туда входил известный столичный адвокат Плансон, весьма преуспевавший в те годы. Собрали больше тридцати человек, зарабатывать на этом они не хотели и землю раздали по 1000 рублей за участок. Место действительно удивительное – и побережье, и реликтовые рощи. В 1911 – 1912-м они начали строить там дачи... Образовалось удивительное дачное сообщество, которое стало уникальным срезом русской интеллигенции того времени. Туда входили деятели искусства, там был Станиславский, там была Книппер, там были певцы, там были писатели, Куприн, Короленко, там был литератор, сейчас, наверно, мало кому известный, а тогда не уступавший в популярности Чехову – Евгений Николаевич Чириков. Там был Елпатьевский – литератор, оставивший большое, в том числе мемуарное наследие. Там был художник Билибин, один из тех, тех кто надолго осел в Батилимане, дольше всех там жил. Их политиков – Милоков, Петрункевич – лидеры кадетской партии, из врачей – знаменитый Кашенко. И этот список можно долго продолжать» [17].

Большой интерес представляет следующий фрагмент воспоминаний А.Л. Маковского: «У меня на руках есть купчая на этот участок, за сургучной печатью, нотариально удостоверенная. Купчая на участок земли, который мой прадед Михаил Семенович Морозов, петербургский врач-психиатр, купил у сына Елпатьевского. Я не сказал главного – баронесса Врангель урожденная Елпатьевская, дочь писателя и врача Сергея Елпатьевского. У него была большая дача в Ялте, с которой связано много отдельных истории, а у его сына имелся участок, который он продал моему деду. В купчей четко написано, кто соседи: Кашенко, Короленко и писательница Татьяна Богданович, которая в советское время довольно много писала для детей. Так что все становится на место. В перечне фамилий, которые в свое время назвала Врангель, фигурируют художники Дервиз и Руднев, причем Руднев - без инициалов... в мастерской у Ивана Фомина помощником работал молодой архитектор Лев Руднев, скорее всего, именно он и строил дачу в Батилимане. К 1918 г. там уже было мало народу, в частности, там жили какое-то время Елпатьевская-Врангель, Чириковы и Билибин, который оставил ряд зарисовок этого места, по которым можно воссоздать жизнь того времени... Еще одна любопытная деталь. Немало дачников-батилиманцев оказались в эмиграции, и они во Франции попытались купить кусочек земли, кажется, в Бретани. Билибин не забывал про Батилиман – у него многое было связано с этим побережьем. И любовь, и расставание с женой. Он даже посетил эти места в 1939 г. Единственный из тех дореволюционных» [17]. Таковы мемуары А.Л. Маковского, несомненно, заслуживающие публикации в полном объеме и обстоятельного комментария.

Как уже указывалось, множество деталей о повседневной жизни как батилиманских дачников, так и жителей и гостей русской колонии в Ла-Фавьере, содержат воспоминания Л.С. Врангель [5, 6]. Из них, в частности, можно узнать об археологических раскопках, которые вел близ Батилимана бывавший там М.С. Ростовцев, о том, что именно в Батилимане П.Н. Милюков писал свою «Историю русской культуры», о резидентах и гостях Ла-Фавьера в разные годы («в первую очередь откликнулись Баты-Лиманцы из Парижа: И.Я. Билибин, Р.Н. Милюков, А.А. Титов и крымчаки: С.С. Крым, Белокопытов со своей сестрой О.Н. Мечниковой, проф. С.И. Метальников, а также наши общие знакомые...») [6, с. 142-157]) и множество других деталей, характеризующих историю повседневности.

Интересные строчки можно обнаружить и в воспоминаниях о Саше Черном, принадлежащих перу писателя-эмигранта Н.В. Станюковича, причем они, как и мемуары Л.С. Врангель, позволяют установить связь «русской колонии» в Ла-Фавьере не только с Батилиманом, но и с самым большим дачным курортом Южного берега Крыма начала XX в. – Новым Симеизом. Станюкович сообщает, что, подружившись в 1929 году с Сашей Черным, они впоследствии «проводили каникулы вместе, в благословенном Фавьере, обратившемся после войны в шумный курортный поселок, а тогда состоявшем из немногих русских дачек, под соснами у моря, на великолепном песчаном пляже которого собирались и разбредались вдоль берега десятка два, три русских фигур... Саша и Маша Черные ... проживали вначале вместе с Билибинными и нами на даче Милюкова. Куприн ютился в сарайчике для рыбацких лодок на самом берегу. Тут же поблизости проживал милый старик Соломон Крым, бывший председатель крымского правительства, автор книжки сказок, вдохновленного татарским эпосом, а в эти времена обратившийся в официального «дегустатора» вин, великим знатоком которых он – крымский винодел – почитался издавна. С многочисленной и пестрой семьей, в своей дачке, отдыхал здесь и крупный ученый, а вместе с тем и взрослый ребенок, добрейший проф. Метальников. Рядом прилепилась на склоне приземистая дачка полковника Белокопытова... Этот стройный величественный старик, брат чудесной старушки художницы - вдовы Мечникова, имел обыкновение при приезде любимых им дачников поднимать над домом на высоком шесте русский флаг. Когда, перевалив холм, отделяющий бухту Фавьера от низменности Лаванду, я охватывал взором русские дачки и трепещущий над ними трехцветный флаг, мне казалось, что я вернулся домой. Французские власти почитали полковника Белокопытова нашим мэром и направляли на его имя все официальные бумаги общего значения» [23, с. 344–345].

Как устанавливается по документам Ялтинского земства, хранящимся ныне в Государственном архиве Республики Крым, дворянин, полковник в отставке Василий Николаевич Белокопытов (1876–1932) приобрел участок площадью 563 кв. саж. на дачном курорте Новый Симеиз в 1912 г. [8]. Новый Симеиз к этому времени уже стал известным, модным курортом [12], участки у самого моря были давно заняты и застроены, поэтому пришлось купить землю наверху, да еще и с домом без отделки, а потом купить еще немного земли и построить на ней второй дом. Как иронизировал в дневниковых записях 1913 г., знавший эту семью Михаил Пришвин: «Белокопытовым (...) никак не обойтись без третьего дома: сначала построили для себя только, потом стали отдавать комнаты, увлеклись, построили другой дом, и вышло так, что без третьего нельзя... Выйдет гулять, и только о том, сколько комнаток... Супруга хочет вогнать больше комнат, а он чтобы красиво было, вот и думают» [21, с.665-666].

Семья Белокопытовых происходила из старого дворянского рода и вела свою родословную с XVII в. К концу XIX в. они владели поместьями под Киевом. У предводителя местного дворянства Николая Ивановича Белокопытова было семь детей: Ольга, Екатерина, Софья, Ксения, Николай, Владимир и Василий. Мужем старшей дочери Ольги Белокопытовой (1858–1944) в ее 17 лет стал тридцатилетний микробиолог, пионер исследований в области клеточного иммунитета, будущий Нобелевский лауреат Илья Ильич Мечников (1845–1916). Большую часть жизни они жили в Париже, где Мечников возглавлял институт Луи Пастера, а Ольга не только переводила труды мужа на французский, но и вместе с Максимилианом Волошиным в 1903 г. организовала кружок русских художников «Монпарнас». Ее сестры вышли замуж за коллег Мечникова: Ксения за А.Г. Радзиевского (1864–1934), ставшего профессором, заведующим

кафедрой госпитальной хирургии Киевского медицинского университета, а Екатерина – за Н.Я. Чистовича (1860–1926), профессора, врача-инфекциониста из Санкт-Петербурга.

Летом большая семья Белокопытовых любила отдыхать на курорте О.М. Соловьевой Суук-Су возле Гурзуфа. В 1907 г. там вместе с родителями проводил каникулы и сын Николая Николаевича Белокопытова Всеволод с друзьями. Один из них, Николай Анциферов, стал известным писателем, одним из основателей отечественной урбанистики и краеведения и оставил мемуары: из них мы узнаем, что после скоропостижной смерти матери сыновей Н.Н. Белокопытова Всеволода и Константина взял на воспитание дядя, живший в Москве полковник в отставке Василий Николаевич и его жена Лидия Карловна [1, с. 239]. Именно эти Белокопытовы в 1912 г. купили дачу в Симеизе. Анциферов сообщает, что вместе с приемными родителями Всеволод много путешествовал по Европе, благо в Париже жила его тетя Ольга с мужем Мечниковым. Там, в Париже, в 1911 г. завязался его роман с Ольгой Вивденко, которую он знал по киевскому детству. Вивденко родилась в Киеве в 1892 г. в семье нотариуса, там же окончила Фундуклеевскую гимназию, провела год в Париже в семье Мечниковых, прослушав курс истории в Сорбонне, занималась в художественной академии Гранд-Шомер. При возвращении в Россию поступила учиться на Высшие женские Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге. Находясь там, заболела туберкулезом, поэтому родители решили в 1913 г. купить участок в Симеизе и построили там дачу «Белый лебедь». При работе с фондами середины 1920-х гг. в Государственном архиве Республики Крым удалось выяснить причину того, что эта дача больше нигде не упоминается: дача «Белый лебедь» сгорела дотла в марте 1926 г. Она располагалась неподалеку от дачи Белокопытовых. Такое соседство было не случайным. Н.П. Анциферов вспоминает: «Николай Николаевич Белокопытов был убежден, что семья Вивденко мечтает о браке Всеволода и Оли, которая была его крестницей. Эта мысль возмущала его. Как! Дочь какого-то нотариуса может стать женой потомственного дворянина! Но судьба их так и не соединила: в 1915 Всеволода не стало. Он прожил всего 26 лет... Весной 1917 года я был в Симеизе, на даче Вивденко «Белый лебедь». Мы посетили опустелый дом Белокопытовых. Я подошел к пианино, на котором играл Всеволод, и взял несколько аккордов. Как печально они прозвучали в этом доме! На нашем свидании с Олей лежала тень воспоминаний об умершем друге» [1, с.276].

В 1919 г семья Белокопытовых находилась в Симеизе и участвовала в выборах в гласные поселка Новый Симеиз [9]. В том же году семьи Белокопытовых и Вивденко эмигрировали: Белокопытовы в Париж к О.Н. Мечниковой (сам Мечников скончался в 1916 г.), семья Вивденко также во Францию. Страдания сближают: на чужбине Н.Н. Белокопытов и Оля Вивденко сошлись и в конце концов поселились в Париже как муж и жена. Не желавший брака с «золушкой» своему сыну, старый дворянин сам вступил в мезальянс с несостоявшейся невесткой. Вскоре Белокопытов ослеп, и вся тяжесть заработка легла на плечи Ольги, которая стала членом общества русских живописцев в изгнании «Икона». Белокопытов ревновал, однажды получил письмо от жены, что она получила заказ на несколько картин и уехала в провинцию для работы, заподозрил роман со своим другом-банкиром, которые выехал в тот же город, написал Ольге письмо и, не получив ответа, пошел и застрелился на паперти собора Парижской Богоматери [1, с.277]. Впоследствии Ольга Вивденко выйдет замуж, вновь за русского эмигранта, станет Ольгой Клапье де Колонг, будет работать для театра Комеди Франсез, расписывать панно знаменитого трансатлантического парохода «Нормандия», участвовать в многочисленных выставках по всей Европе, в том числе с картинами из цикла «Женщины трагической судьбы». Ее переписка с А.А. Евреиновым находится в РГАЛИ. В послевоенные годы переехала в Мадрид, где и скончалась в середине 1970-х гг.

Как следует из мемуаров Л.С. Врангель, оказался жителем Ла-Фавьера и еще один бывший симеизский дачевладелец, председатель Ялтинской земской управы Н.Н. Богданов. Он происходил из обедневших дворян Рязанской губернии, родился в 1875 г. в С. Петербурге. С юношеских лет активно включился в политическую борьбу, находился в поле зрения жандармского управления. До переезда в Крым Богданов служил инспектором в Русском страховом обществе при правлении в Санкт-Петербурге и не имел постоянной квартиры (в это время

председателем правления Русского страхового общества был его родственник Л.З. Лансере). В отчете Ялтинской городской Думы от 23 ноября 1912 г. он писал, что ему 38 лет, живет он в собственном доме в Новом Симеизе с 14 февраля 1910 г. Его семья состояла из жены Софьи Павловны, 37 лет (урожденной Коробьиной), детей Софьи 8 лет и Константина 6 лет. Софья Павловна была дочерью от второго брака родной тетки Н.Н. Богданова Софьи Дмитриевны, которая вышла замуж за рязанского дворянина Павла Ивановича Коробьина (у них родились трое дочерей – Елена, Ольга, Софья, будущая жена Н.Н. Богданова, и сын Константин, впоследствии владелец симеизской дачи «Селям»).

Замечательную характеристику Н.Н. Богданову дал в своих воспоминаниях еще один житель Ла-Фавьера – князь В.А. Оболенский: «Тучный, широкоплечий, с короткою шеєю, с круглым широким лицом – с виду увалень, который лучше всего должен был бы себя чувствовать в покойном кресле, он, однако, был самый подвижный из нас. Даже места постоянного не имел. Все передвигался: то сядет направо, то налево, где случайно свободный стул окажется. Из заседания непрерывно отвлекали его телефоны. Бумаг с собой никаких никогда не таскал; докладывая свои дела, вытаскивал иногда какую-нибудь официальную бумажку то из одного, то из другого кармана. В докладах был очень краток, деловит и решителен. Столь же решителен был и в действиях. Огромная энергия и смелость совмещались в этом человеке с исключительной мягкостью и бесконечным добродушием. Старый земец и кадет, он был членом 2-й Государственной Думы от Рязанской губернии и пользовался огромной популярностью среди местного населения» [19, с.74-76].

В Новом Симеизе у Н.Н. Богданова было две дачи. Первый участок земли площадью 500 кв. саж. он приобрел в 1909 г. и начал строительство первой дачи под названием «Малый Богдан». В даче насчитывалось 12 комнат, 6 из которых сдавалось в наем. Семья Богданова жила в этой даче до 1920 г. 25 июня 1910 г. Н.Н. Богданов купил соседний участок земли под № 14, площадью 200 кв. саж., на котором построил вторую дачу под названием «Большой Богдан», уже исключительно для устройства приморского пансиона [7]. Н.Н. Богданов с 1910 г. был председателем общества дачевладельцев Симеиза, а в 1913 г. Богданов был избран гласным, а затем и председателем Ялтинской земской управы. Под его руководством Ялтинское земство внесло Государственную думу проект о передаче в земство проселочных дорог общественного пользования, в Ялтинском уезде было построено несколько дорог: от Скути (Приветное) до Карасубазара (Белогорск), от Скели (Родниковское) до Узунджи (Колхозное). Н.Н. Богданов подал прошение в Государственную думу о свободе передвижения евреев на курорты России. После февральской революции Н.Н. Богданов был назначен комиссаром Таврической губернии. Вот что пишет о нем князь В.А. Оболенский: «Когда водворились большевики, и пришла весть об образовании Добровольческой Армии, он отправился в армию и проделал с Корниловым весь Ледяной поход, верхом на коне, везя с собой, как казначей, все фонды Добровольческой армии. Ему было вверено Министерство внутренних дел, наиболее тягостное для нашей интеллигентной психологии. Приходилось заново создавать кадры местной стражи, организовывать розыск, охранять внутреннюю безопасность, остерегаясь прибегать слишком часто к помощи несдержанной в своих порывах воинской силы. И все это он проделал просто, без ужимок, но и без сладострастия, с обычной энергиею и с обычной улыбкою своих больших голубых глаз. Этот непрезентабельный грузный человек был, пожалуй, больше всех других любим в нашей среде. И нежность к нему сказалась особенно ярко в момент; когда всем нам пришлось бежать, когда правительство погрузилось на пароход, идущий в Европу, а Богданов вдруг явился с нами прощаться. – Как так? Зачем прощаться? – Нет; не могу; еду в Новороссийск, на фелюге, а там дальше в ДА (Добровольческую Армию–Авт.)– А жена и дети? (У него был мальчик и девочка, оба некрепкие здоровьем). – Ничего, поместимся на фелюге. Мы обнялись, особенно растроганные этим характерным для Богданова жестом. Он уплыл, явился к Деникину, но не вынес тогдашней атмосферы, двинулся на Восток через Каспийское море в Сибирь, к Колчаку, а после падения Колчака через Владивосток пробрался в Европу» [19, с.74–76]. Семья Богдановых жила в Чехословакии, затем во Франции, в Париже и, в конце концов, в Ла-Фавьере, где прибрела маленький домик. За границей Н.Н. Богданов оказался почти без

средств. Через четыре года не стало сына, а в 1930 г. самого Николая Николаевича. Его жена Софья Павловна и дочь Софья Николаевна в 1947 г. вернулись на Родину, побывали на рязанской земле, а затем переехали в Крым, в Симферополь к родственникам.

В конце 1930-х гг. решат вернуться в советскую Россию и И.Я. Билибин, и А.И. Куприн. По словам Л.С. Врангель, «в свое время Билибин изменил новгородским озерам и лесам, где он с увлечением охотился в молодости, где он написал свою Василису Прекрасную и русские былины, но героический пейзаж античной Тавриды покорила его на всю жизнь. Он вскоре и уехал туда, где была Российская Академия художеств, где был его любимый Баты-Лиман с его дачей на берегу морского обрыва Черного моря, где осталась вся его душа» [6, стр. 146]. Так поступила и Л.К. Белокопытова: после войны она помогла отправить в Москву архив О.Н. Мечниковой, а потом и сама возвратилась на Родину, где заведовала музеем Мечникова.

В конце 1920 г. после окончательного установления в Крыму советской власти все частные имения Южного берега, включая дачи Батилимана, были национализированы. В 1930-х гг. в бывших дачах Батилимана функционировал небольшой дом отдыха для ученых – но вскоре пожар, а затем и оползень разрушили несколько из них, а оставшиеся сильно пострадали во время войны. В 1946 г. санаторий Академии наук СССР решили восстановить, проект заказали 73-летнему мэтру, академику архитектуры Алексею Щусеву, работавшему еще с середины 1930-х гг. над различными проектами для Академии (так, в 1946 г. Щусев проектировал для Москвы Институт физики, Институт механики, Лабораторию геофизических проблем, Метеоритный музей, жилой дом Академии наук). Эскиз проекта был обнаружен нами в фондах Государственного музея архитектуры имени А.В. Щусева [25]. Щусев предложил, не меняя сложившейся планировки поселка ученых, выстроить два новых, расположенными по одной оси неоклассических корпуса с колоннадами и цветниками, а также пляжные павильоны, солярии, террасы с виноградниками, оранжереи и амфитеатр. Увы, из-за нехватки пресной воды проект так не был реализован, ограничились восстановлением дачи инженера Кравцова, построенной по эскизам Ивана Билибина. Лишь в 1979 г. в Батилиман и соседнюю бухту Ласпи пришла вода из Байдарской долины [4]. В советское время в Батилимане было устроено несколько баз отдыха и пионерский лагерь «Чайка», ныне законсервированный. Как показало обследование его территории, осуществленное нами осенью 2020 г., некоторые из его корпусов имеют признаки перестроенных дач начала XX в.

Атрибуция этих дач и их владельцев, тщательная реконструкция всего культурного ландшафта Батилимана и его трансфера на средиземноморское побережье Франции на основе выявленных в ходе настоящего исследования источников по аналогии с осуществленной нами атрибуцией дач поселков Новый Симеиз и Новый Мисхор представляется вполне возможной и необходимой в контексте изучения истории Южного берега Крыма как важного для России «места памяти», связанного с многими выдающимися именами в истории русской культуры.

Библиография

1. Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М: Феникс, 1992. 511 с.
2. Бедарева Г.Я. Батилиман – Ла-Фавьер // История Южного берега Крыма: III Дмитриевские чтения. Сборник научных трудов. Ялта: Таврия-Плюс, 1999. С.58-61.
3. Бжикцы И. «Чудесный уголок земли»: Ла Фавьер как *locus amoenus* в литературе русского зарубежья // Проблемы исторической поэтики. Т.19. № 2. 2021. С.251-281.
4. Веникеев Е.В. Архитектура Севастополя. Симферополь: Таврия, 1983. 208 с.
5. Врангель Л.С. Крым. Paris: Умса-press, 1939. 158 с.
6. Врангель Л.С. Воспоминания и стародавние времена. Вашингтон: Kamkin, 1964. 221 с.
7. Государственный архив Республики Крым. Ф. 529. Оп. 1. Д. 39. С. 16.
8. Государственный архив Республики Крым. Ф. 62. Оп. 3. Д. 213. С. 62.
9. Государственный архив Республики Крым. Ф-Р 999. Оп. 1. Д.149. С. 35.

10. Градостроительство России середины XIX – начала XX века: Общ. характеристика и теорет. проблемы / Редкол.: Кириченко Е.И. и др. М.: Прогресс-Традиция, 2001–2010. Т. 2: Города и новые типы поселений. 2003. 557 с.
11. Иванов А.В. Ласпи: от Айя до Сарыча. Симферополь: Библекс, 2005. 207 с.
12. Карагодин А.В. Дачный поселок Новый Симеиз на Южном берегу Крыма в 1902-1920 гг. как феномен социокультурной модернизации: источники, методы и этапы исследования // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 1. С. 41-64.
13. Карагодин А.В., Петрова М.М. Новый Мисхор – первый дачный курорт на Южном берегу Крыма (1898–1920): реконструкция социокультурной истории // Человек и культура. 2020. № 4. С. 103-127.
14. Куприна К.А. Куприн - мой отец. М.: Худож. лит., 1979. 287 с.
15. Лезинский М.Л. Батилиман. Симферополь: Крым, 1968. 47 с.
16. Макаров М. Русский холм. История русской колонии во французском Провансе // Золотая палитра. 2019. № 2 (19). С. 55–77.
17. Маковский А.Л. На крымском берегу. URL://<https://disk.yandex.ru/d/6D9AETY1-35BtQ>
18. Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 335 с.
19. Оболенский В.А. Крым при Врангеле. Мемуары белогвардейца. М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. 87 с.
20. Отчет Комитета по управлению имением Батилиман за 1916 год. URL://<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22060003>
21. Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. СПб.: Росток, 2007. 800 с.
22. «Русский холм». La Favière (1920–1960). История русской колонии на юге Франции в воспоминаниях, дневниках и письмах. Сост. М. Макаров, 2017.
23. Станюкович Н.В. Саша Черный // Дальние берега. Портреты писателей эмиграции. Мемуары. М.: Республика, 1994. С.344-345.
24. Ульянова Г.Н. Дворцы, усадьбы, доходные дома: исторические рассказы о недвижимости Москвы и Подмосковья. М.: Форум: Неолит, 2012. 270 с.
25. Щусев Алексей Викторович. Курорт Академии Наук СССР в урочище Батилиман. Большая Ялта, бухта Ласпи. 1946 г. Крым. Курорт Академии Наук СССР в урочище Батилиман. Генплан. URL://<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24026102>
26. Dupouy R., Obolensky A., Guillemain M., Faucher F. Les Russes de LaFavière. Catalogue édité à l'occasion de l'exposition au Musée "Arts et histoire" de Bormes-les-Mimosas du 5 Septembre au 14 Novembre 2004. Le Lavandou: Réseau Lalan, 2004. 79 p.

**BY THE BLUE SEA: TRANSFER OF THE CULTURE OF THE RUSSIAN DACHA
FROM THE SOUTHERN COAST OF CRIMEA TO THE FRENCH LA FAVIERE
IN THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY**

Karagodin A.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article discusses the source aspects of the reconstruction of the history of the summer dacha settlement of Batiliman on the Southern coast of Crimea, founded in the 1910s by prominent figures of Russian culture (K.S. Stanislavsky, I. Ya Bilibin, V.G. Korolenko, etc.). After emigration from Russia, in the late 1920s a group of former Crimean dacha residents arranged a new resort village in the town of La-Favier on the Mediterranean coast of France, thus carrying out the transfer of the culture of the Russian dacha.

Keywords: Russian Russian revolution, Bathiliman, Simeiz, La Faviere, places of memory, sources of personal origin, emigration of the first wave, the Southern coast of Crimea, dacha, Russian culture.